

— Он в друзьях написал. Говорит, октябрьское сочинение на пять тысяч иероглифов ещё даже не начинал, надо срочно браться.

Сюй Чжичжэнь ненадолго замолчал. — До октября неделя осталась.

Се Бэй усмехнулся. — Ну да, я его за это и проехал.

Чан Инмин всё ещё оживлённо болтал с Се Бэем, а Сюй Чжичжэнь уже витал в облаках.

И правда, всего неделя до октября.

Сунув телефон в карман, он снова принялся жевать печенье, глядя в окно на летящих гусей. Как время летит.

Дикие гуси улетали на юг. Животные куда острее чувствуют перемены, особенно в погоде. Сюй Чжичжэнь стоял под солнцем в нелепой форме Центральной академии драмы, щурясь на бескрайнюю лазурь неба.

Это были его первые съёмки в клипе, и он чувствовал себя неуверенно. Лишь оказавшись на площадке, он начал понимать, как всё устроено.

Группа новичков состояла из десяти человек: кроме шестерых с актёрского факультета, был ещё один с режиссёрского, один с драматургического, двое со сценарного и один из мюзикла. В перерывах, общаясь, Сюй Чжичжэнь вдруг осознал критерии отбора. Скрытые, но легко угадываемые.

Происхождение.

Он был внуком театрального мастера Сюй Цзячэна и сыном Сюй Нанькая. Четверо во главе с Се Бэем уже были известными артистами. Чжу Хуэй жила в военном городке, мать раньше служила знаменитой артисткой в творческом коллективе, отец занимал высокий пост — подробностей она не рассказывала, но все и так понимали. Остальные четверо тоже были из известных семей: отец одного — прославленный режиссёр Фу Чжуаньянь, родители другого — известные писатели, третий — сын режиссёра, чья слава не уступала Фу Чжуаньяню, правда, в последние годы тот снимал мало, и Сюй Чжичжэнь почти не видел его работ, лишь Се Бэй знал побольше. Самый же впечатляющий — парень из мюзикла: отец — мировая величина в жанре, профессор зарубежной консерватории, мать — известная балерина, отчего и дочь казалась неземным, утончённым созданием, словно гордая слива на ветке.

Закончив разговор, Сюй Чжичжэнь не скрывал удивления, на душе стало немного тяжко. В этом году в академию поступило немало студентов с влиятельными семьями, но выбрали именно этих десятерых. Конечно, сыграли не только связи, но и внешность. Он попытался оценить объективно — и не смог. Девушки были все разные, каждая со своим шармом, но ухоженная, благородная стать выдавала в них детей из богатых семей.

Тут позвали на съёмки, компания распалась, все разошлись по местам.

После съёмок они сразу, с рюкзаками за плечами, отправились в класс на дневную репетицию — скоро начинались занятия.

Все тихо бормотали текст — предстояло сдавать этюд, простой диалог в дуэте. Задание лёгкое, но страшно забыть слова, вот и старались, кто как мог.

Сюй Чжичжэнь поднял голову, потер глаза и в перерыве застыл, глядя в солнечный свет.

После съёмок в выходные до праздника оставалось всего несколько дней. В общезнании все спрашивали друг друга о планах: домой или путешествовать?

Сюй Хайшунь был местным и собирался домой, дальше не загадывал. Чжэн Чэн — из Уханя, тоже ехал к семье, сестра давно соскучилась. Се Бэй — шанхаец, сказал, что, возможно, домой, а может, по работе. Остался Сюй Чжичжэнь, который просто «уезжал».

Сюй Хайшунь, проходя мимо, хлопнул его по макушке. — А чего такой нерадостный?

— Да так... Еду к родителям. Давно не виделись, в последний раз аж на Новый год. — Он слабо улыбнулся, очищая яблоко.

— Так давно? Блин, работа совсем заедает?

— А вы вместе отдыхать будете или как?

Сюй Чжичжэнь безнадежно махнул головой. — Какой там отдых. У них на праздники семь дней — переезд из Нанкина в Шанхай, три спектакля. Я встречу с ними в Нанкине, вместе доеду до Шанхая, а после праздников — обратно.

Все ахнули. — Неужели так заняты?..

— Все театральные так живут? Целый год не видется — это ж...

Се Бэй, подперев подбородок, смотрел на него, но промолчал.

Сюй Чжичжэнь покачал головой. — В обычное время выходные есть, но труппа базируется в Шанхае. Мама недавно стала директором, хлопот невпроворот, вот отец с ней и помогает. Говорят, дорога долгая, да и труппа расширяется, новичков нужно обучать... Наверное, они правда очень заняты.

Но он уже привык. У каждого свои цели и мечты, и у него своя жизнь, которую нужно прожить. В детстве, конечно, бывало горько: у других родители всегда рядом, а у него — только бабушка с дедушкой. Но, повзрослев, посмотрев несколько спектаклей, увидев, как зрителей становится всё больше, как растёт известность родителей, он постепенно понял, куда уходят их страсть и силы.

Размышляя, он доел яблоко и пошёл помыть нож. Вода текла ровной струйкой, и вдруг он вспомнил, как выбирал специальность. Раньше его манила режиссура — нравилось снимать, рассказывать истории, воплощать замыслы. Но в итоге он выбрал актёрский факультет. И У Сюфан, и Сюй Цзячэн спрашивали его наедине: не из-за ли родителей? Тогда он сидел на деревянной скамейке у дома, в темноте, под тёплым светом фонаря, вертя в руках кубик Рубика. Ответил: сам не знаю.

Нравилось, но не до безумия. Любопытство и юношеская привязанность вели его — исследовать, вникать, искать тот мир, что пленял деда и родителей. Но актёрство и театр — одно целое. В искусстве нет высших и низших жанров. Сюй Чжичжэнь ещё не знал, какой путь выберет, но был уверен: заниматься стоит только тем, что любишь.

Фотография была его страстью, но не призванием. Он понимал, что таланта маловато — просто нравилось ловить мгновения, снимать то, что радует глаз. А вот играть, проживать чужие

жизни, постигать характеры, давать зрителю почувствовать — этот процесс захватывал его куда больше.

И в процессе учёбы он постепенно осознал: ему действительно это нравится. В его жилах течёт та же кровь, что и у родителей, — кровь, предназначенная для этой дороги.

И теперь, отправляясь к ним, он волновался. Не только из-за встречи, но и потому, что погружался в мир театра глубже. Он трепетал и боялся — вдруг реальность разочарует, а он окажется в ней чужаком?

Закрыв кран, он откусил яблоко, вытер нож салфеткой и взглянул на своё отражение.

Эх, глупая рожа.

Вынув яблоко изо рта, он потер слегка занемевшие щёки и внимательно взгляделся в свои глаза.

Есть в них огонёк?

Есть.

И хорошо.

Студенческая суета понемногу улеглась, привыкание шло своим чередом. Сюй Чжичжэнь вступил в фотоклуб, записался в волонтеры, освоился с лекционной нагрузкой и репетиционной усталостью, сновал между учебными классами и общежитием. Се Бэй ещё таскал его в спортзал — Сюй Чжичжэнь выдыхался быстрее, пыхтел на беговой дорожке, а потом снимал на телефон, как бежит Се Бэй.

С видеоблогом Се Бэя дела шли из рук вон плохо — все забывали снимать, и лишь Сюй Чжичжэнь оказался тем самым сознательным гражданином.

Как-то вечером они ждали столик в ресторане, очередь тянулась медленно. Се Бэй в кепке сидел в углу, уткнувшись в телефон. Сюй Чжичжэнь от нечего делать вдруг вспомнил про блог, достал телефон и спросил, не снять ли? Се Бэй целую минуту соображал, о чём речь, потом приподнял козырёк и виновато ухмыльнулся:

— Совсем забыл.

Не долго думая, они использовали момент и записали пятнадцатиминутную болтовню. Сюй Чжичжэнь держал телефон так долго, что рука затекла. А дома, при прослушке, выяснилось: фоновый шум такой, что хоть уши затыкай. Со слезами на глазах удалили.

С тех пор Сюй Чжичжэнь помогал снимать, когда вспоминал. Се Бэй же ленился так, что диву даёшь: чтобы уговорить его на десятисекундное селфи, Нянь Нэнцзину приходилось полчаса орать в трубку, пока тот наконец не отрывался от игры. Сюй Чжичжэнь, наблюдая со стороны, лишь восхищённо качал головой: выдержать такой характер мог только Нянь Нэнцин.